

Июльская гроза — эпизод 8 из 8

Старик еще раз пригнулся, взял Наташу себе спереди на руки и пошел под дождем по дороге на Общую жизнь, унося на себе двоих детей.

Ты не бойся, сказала Наташа брату, удобно сидевшему в кошелке против нее. Я за ним буду глядеть.

Он не как ты, он сильный, сказал сестре Антошка.

У старика надулись жилы на шее, он сгорбился, дождь и пот обмывали его тело и лицо, но он шел привычно и терпеливо по грязи и по воде.

Дети молчали, ожидая, когда увидят свою избу в колхозе. Наташа боялась про себя, что, может быть, их двор уже сгорел от молнии. Старик из сбереженья сил тоже ничего не говорил, лишь однажды он прошептал про себя:

Спасибо град не пошел. Он бывает с голубиное яйцо побил бы детей.

Дождь лился мелкими, частыми каплями; грозы уже не было. И вскоре

Наташа увидела сквозь дождь прясло крайнего двора своего колхоза; здесь жили Чумиковы. Она не знала, что колхоз их так близко, и она улыбнулась от радости. Значит, все было цело и пожара нет, а то бы люди бежали на пожар. А может быть, их дом уже сгорел и потух, и Наташа опять загорюнилась.

Но вон ветла стоит, она растет около дома Наташи, она жива; вон соломенная крыша на ихней избе и труба с железным петушком... Наташа отвернула свое лицо от Антошки и осторожно терла его рукавом от дождя и слез.

Около отцовского двора Наташа спрыгнула на землю, Антошку же старик внес в кошелке за спиной в самые сени избы.

В горнице родителей Наташи, пережидая дождь, сидело много людей. Отец Наташи угощал их чаем с сеяным хлебом и наложил полную сахарницу колотого сахара. Здесь был председатель колхоза Егор Ефимович Провоторов, дедушка, муж бабушки, и незнакомый человек, неизвестно кто, ненужный кто-нибудь.

Мать Наташи раздела дочь и Антошку и дала им на смену сухую одежду, обещая, что больше никуда их в гости сроду не пустит. А старичок, выжав с себя немного воды в сенях, уже сидел за столом в горнице, пил чай и рассказывал, как было дело. Егор Ефимович его знал старик из племхоза только что был у него нынче относительно быка.

Как же так! сказал Егор Ефимович, председатель, говоря отцу Наташи. На дворе гроза, ливень, буря была, а ты детей в Панютино послал?

Они ушли еще ведро было, тихо ответил отец.

А после ведра враз буря нашла и гроза, говорил Егор Ефимович, а ребятишки могли не успеть добежать до Панютина. Вишь ты как! А мы сидим здесь

второй час, балакаем, а ты и не вспомнил про девчонку с мальчишкой ни разу. Чего зря говорить! с досадой ответил отец. Не случилось с ними ничего, целыми пришли.

Да это-то хоть так! согласился председатель и поглядел на Антошку с Наташей, которые теперь стояли у притолоки и глядели на гостей; мать их уже передела во все чистое и сухое, и им было сейчас опять хорошо жить. И родной дед, старый долдон, говорил председатель, знает, что к нему внук со внучкой в гости пошли, так он сам по грозе к зятю чай пить пришел и сидит не беспокоится...

Дедушка Наташи молчал, и все другие люди тоже.

Я спозаранку сюда в кооператив явился, промолвил дедушка. Хотел крючок сазаний купить, и к вашему шорнику у меня дело было, мы с ним кумовья... А в нашей многолавке нет тебе никаких крючков вся рыба в реке цела живет, а мои снасти никуда стали. Думал в вашем кооперативе поджиться...

Дело прошлое, мирно произнес Егор Ефимович. Дай-ка мне назад документ в племхоз, что я тебе давеча дал, и председатель протянул руку к отцу Наташи. Отец несмело выдал председателю бумагу.

Гляди, Ефимыч, бык племенной, с ним надо уметь, сказал отец. Аль и быка теперь не доверяешь, что мои ребятишки намокли?

Пока нет, ответил председатель, не доверяю.

Так кто ж тебе погонит-то? интересовался отец. В колхозе, кроме меня, едва ли кто отвечать за такое дело возьмется...

А я вон с ним, может, слажусь, указал председатель на старичка из племхоза, хлебавшего чай внакладку.

Право твое, согласился отец. Ишь ты какой бдительный! Иль заботу о малолетних кадрах почувствовал? Но бык дело одно, а девчонка с мальчишкой совсем другое.

Верно, произнес председатель, пряча документ к себе, прочитав его весь снова. Ребятишки дело непокупное, и для сердца они больны, как смерть, а бык не то, быка и второй раз можно за деньги купить...

Ух ты, во, гляди-ко! с радостью всей своей души сказал вдруг старичок из племхоза и, отодвинув блюдце, нечаянно бросил себе в рот еще кусочек сахара.

Он перестал пить чай и засмотрелся на председателя, рыжеватого крестьянина лет сорока пяти, медленно глядящего на свет серыми думающими глазами.

Наташе с Антошкой надоело слушать разговор, и они вышли на крыльцо. Дождь еле-еле капал. Стало смирно и сумрачно кругом повсюду; листья деревьев и трав, уморившись, висели спящими до будущего утра. Лишь далеко-далеко, в чужих и темных полях, вспыхивали зарницы, точно это

смежались глаза у усталой тучи.

Давай опять завтра к бабке в гости пойдем, сказал Антошка сестре. Я не боюсь теперь. Я люблю грозу.

Наташа ничего не ответила брату. Ведь он еще маленький, измученный, и ругать его нельзя.

Мать отворила дверь и позвала своих детей есть. Мать уже сварила для них картошку и полила ее сверху яйцами, а потом сметаной. Пусть дети растут и поправляются.